

Л ю с ь е н Ф Е В Р

ГИГАНТСКИЙ ЛЖИВЫЙ СЛУХ: ВЕЛИКИЙ СТРАХ 1789 года

1933

Из книги «**Бои за историю**».
М., 1991. С.414-421, 587

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Гигантский лживый слух. Эти слова принадлежат г-ну [Жоржу Лефевру](#); так он определяет, и весьма удачно, «Великий страх 1789 года»¹. Лефевр был первым, кто изучил это явление, и не только в его движении и развитии (как это всегда делалось до настоящего времени), но и самые его причины, как местные и частные, так и общие, лежащие в глубине. Книга, которую он посвятил этой любопытной странице истории Революции, написана живо, изобилует новыми документами и фактами и еще более исполнена человеческого опыта, знания и понимания крестьянской жизни. Эта книга не только достойна автора капитального труда «Крестьяне Севера страны во время Французской революции»²; она, на наш взгляд, представляет двойной интерес: во-первых, собственно исторический, и г-н Лефевр показал это весьма убедительно; во-вторых, методологический или, если хотите, психологический. Его мы особенно хотим подчеркнуть, поскольку он имеет непосредственное отношение к программе нашего журнала.

Мы знаем или, вернее, те, кто еще не прочел книгу г-на Лефевра, думают, что знают, что такое Великий страх: термин несколько расплывчатый, имеющий в нашем обычном употреблении множество значений: это и крестьянские бунты, вполне реальные жакерии, и взрывы паники, порожденные заразительным страхом перед воображаемыми разбойниками и громилами-разбойниками, которых будто бы видели за работой, чьи злодеяния взволнованно описывали; судорожно хватались за оружие - и, в конце концов, они оказывались не более реальными, чем мираж. Г-н Лефевр дифференцирует, анализирует, расчленяет. Хотя вся Франция в июле 1789 года пребывала в состоянии напряжения и тревоги, хотя вся она опасалась «разбойников», она не вся была охвачена Страхом. И прежде всего те самые районы, где проявилась жакерия: Франш-Конте, Эльзас, нормандский Бокаж, окрестности Макона - откуда чаще всего исходили волны паники, - они сами не испытывали того ужаса, рождению которого в соседних областях они способствовали. Другие области, притом многочисленные, на севере и востоке - Фландрия, Эно, Камбрези, Арденны, Лотарингия; на западе - Нормандия и Бретань; на юго-западе - Медок, Ланды, Страна Басков; на Средиземном море - Нижний Лангедок и Руссильон - все они лишь в малой мере или вовсе не были затронуты тем смятением, которое другие провинции испытали в сильной степени.

С другой стороны, и в этом пункте доказательства г-на Лефевра особенно сильны, Великий страх не имел единого очага. И уж тем более этим мнимым единственным очагом и источником Страх не мог быть Париж. Нужно отказаться от удобного и упрощающего действительность мифа о великой волне³, распространявшейся, подобно потопу, безостановочно от столицы до самых отдаленных районов королевства и двигавшейся со скоростью конного гонца. Мест, где зародился Страх, было много - в провинциях, очень отдаленных одна от другой; разразился он не всюду одновременно; Париж был не центром распространения, а конечным пунктом: именно к нему стекались токи беспокойства и смятения клермонтцев, суассонцев, жителей Гатине. Страх Можы и Пуату родился в Нанте, 30 июля. Страх Мена - возле Ферте-Бернара, 21-го. Страх востока и юго-востока возник 22-го, в районе Лон-ле-Сонье; он был порожден бунтом крестьян Франш-Конте, который, в свою очередь, был вызван (17 июля) событиями в Кинсее. В Шампани Страх распространился 24-го и в последующие дни, начавшись в Ромильи, может быть, из-за того, что стадо коров приняло за банду вооруженных всадников. Земли клермонтские и суассонские Страх обуял после конфликта, который произошел 26-го между стражей и браконьерами близ Эстре-Сен-Дени; наконец, на юго-западе центр его возникновения - Рюффек, где причиной волнения послужили действия небольшой банды нищих, которые, нарядившись монахами ордена мерседеров^{**}, занимались вымогательством, прибегая к угрозам. Нет ничего более убедительного, чем общая карта этих

событий, к сожалению недостаточно подробная и помещенная в самом тексте книги⁴, где обозначены центры возникновения и установленные пути распространения волн паники; районы жакерии, в которых она началась раньше, чем разразилась паника; наконец, перечисленные выше местности - они по непонятным причинам остались нетронутыми поветрием⁵. В первую очередь нас поражает характерный факт: Страх перемещался не по главным дорогам королевской дорожной сети, которые начинались в Париже. Страх из Рюффека достиг не только Пуатье, но и Буржа через Шатору; Монлюсона и Риома - через Гере; Кастра, Тулузы, Сен-Жирона - через Каор; Оша - через Ангулем и Ажен и, что очень любопытно, Орильяка, лежащего посреди Центрального массива,- через Брив и Тюль; Юсселя - через Юзерш. В то же время Страх, возникший в Лон-ле-Сонье, не только двигался на Гренобль и Лион и оттуда на Арль, Экс и Баржоль, но и, взобравшись на восточный край массива, достиг Монбризона, Клермона, Иссуара, а ниже - Шез-Дье, Менда и Милло. Странная география путей перемещения Страха показывает, что Центральный массив вопреки легенде не выполнил свою роль полюса стойкости и отталкивания и оказался весьма проницаемым для паники, в то время как долины, например долина Луары или Гаронны, не послужили ее распространению ни в малой степени. Возникает настойчивое ощущение, что мы имеем дело с разрозненными, но связанными между собой движениями, которые, конечно, порою распространялись путями, существовавшими искони (весьма любопытна и поучительна роль рюффекского центра распространения), но непосредственно управляли ими местные условия. В общем эта карта наводит на размышления, и над нею стоит подумать подольше; к ней нужно возвращаться, совершенствовать ее, сделать ее как можно более точной, указав даты, ибо даты на ней отсутствуют. Когда прекрасная книга г-на Лефевра принесет свои плоды, он непременно должен будет предпринять для нас новое ее издание, еще более богатое всякого рода данными⁶.

Однако чем в конечном счете объясняется этот Страх, хронология которого была впервые в общих чертах установлена, основные маршруты прослежены и темпы распространения определены? Зафиксировать точки, где он возникал, описать пути его распространения, датировать проявления: все это задачи первоочередные. Терпеливый и усердный труд позволил г-ну Лефевру впервые разрешить их. Установить причины Страха - задача подлинной истории. И я не скажу: именно этого ждали от автора, но - этого ждали именно от него.

Всего на шестидесяти страницах автор набросал картину французской деревни 1789 года - поистине замечательную, богато документированную, отличающуюся строгостью и точностью рисунка, широтой мазка. Г-н Лефевр изобразил нам сельскую Францию, значительно гуще населенную, чем ныне, сельскую Францию, относительно перенаселенную, - что ж, оттуда в 1789 году мог донестись крик отчаяния⁷: «Количество наших детей приводит нас в ужас!» Деревни, где многие семьи не владели никаким имуществом - буквально ничем, ни землей, ни плодовыми деревьями, ни хижинкой, даже самой убогой: каждая пятая семья в Камбрези, каждая четвертая в орлеанских землях, две из пяти в нормандском Бокаже и даже три из четырех во Фландрии и в окрестностях Версаля. И в лесах, и в ландах, по краям болот, на общественных землях - повсюду кишели люди в поисках земли...⁸ Конечно, для того чтобы возделывать землю, не нужно было быть ее владельцем: лишь немногие из дворянства, духовенства, буржуазии - лишь очень немногие из этих землевладельцев, «сеньоров», что-то делали сами. Остальные отдавали свою землю в аренду, и почти как правило - маленькими участками очень маленьким людям; однако такие хозяйства очень часто бывали слишком малы, чтобы прокормить семью: г-н Лефевр сообщает нам, что на севере от 60 до 70 % крестьян обрабатывали менее одного гектара. Добавим что «сеньориальная реакция» не пустое слово в годы, предшествовавшие Революции⁹.

Жестокое и все возрастающее ограничение коллективных прав, права подбирать колосья после жатвы, пасти скот на лугах после покоса; ужесточение притязаний и требований сеньоров; захват значительной части земель коллективного пользования; возникновение крупных хозяйств, где принципы «нового земледелия», приближающегося к научным методам, к высокой производительности и промышленному ведению хозяйства, - принципы такого земледелия начинают применяться всерьез, к большому ущербу бедных земледельцев; одновременно (и слово нарочно) - бедствия, вызванные неурожайными годами, в особенности ужасным неурожаем 1788 года: пустые амбары, безумный рост цен, которые достигнут своего апогея в июне 1789 года, призрак голода, вставший перед массами людей; к тому же - недальновидная политика, приведшая к ужасающему росту безработицы в промышленности. В результате торгового договора 1786 года с Англией королевство было внезапно наводнено изделиями английской промышленности, превосходство которой оказалось подавляющим, от чего незамедлительно понесли урон производства пряжи и тканей, красильное дело во Фландрии, Пикардии, Бретани, Нормандии, Лангедоке; рабочие этих производств,

выброшенные на улицу, пополнили огромную армию скитальцев, людей, лишенных пристанища, и бродяг - в стране, где не было общественной стабильности как раз потому, что по ее дорогам из города в город постоянно передвигались толпы, все более и более осознающие свою беспощадную силу: профессиональные попрошайки, безработные, лишившиеся крова, жуликоватые разносчики товаров, контрабандисты и торговцы ворованной солью: целый мир, целая зловещая армия, которую усиливали элементы относительно здоровые, но порою находившиеся под влиянием других людей, испорченные другими: попрошайки временные, от случая к случаю, бродячие сезонники, каменщики-лимузинцы, овернцы, трубочисты-савояры и прочие. Они организовывались в шайки - чем дальше, тем больше.

Деревенские люди жили под постоянной угрозой: то похитители зерна набрасывались большой компанией на поля пшеницы и по-хозяйски собирали свою «десятину»; то «ночные бедняки» самовольно устраивались на ночлег в сарае и требовали вина и еды, а днем, когда мужчины были в поле, вторгались в дома, запугивали женщин, забирали все, что могли, съедобное или даже деньги; воровали при случае... Ничего не поделаешь, ничего не возразишь: оставалось только подчиняться, покоряться, улыбаться - из страха обнаружить утром приколотое к дверям страшное требование заплатить крупную сумму (и рядом с ним - пучок серных спичек), Крестьянин был безоружен против этих шаек - там, наверху, позаботились о том, чтобы отобрать у него огнестрельное оружие, дабы он не мог охотиться^{***}. Три или четыре тысячи конных стражников ничего не могли поделать с надвигающимся потоком, а сборщики налогов были еще хуже грабителей. Поэтому оседлых земледельцев одолевала забота, нужда (а то и нищета) побуждала к размышлениям (размышление слишком часто означало осуждение и проклятия); странные тревожные слухи передавались неумелыми устами во время опасных ночных бдений, когда прислушиваются к каждому шороху снаружи. И, шагая по старым дорогам, истоптанным ногами их предков, наши крестьяне мысленно переносились во времена, сто раз описанные, в мифические и все же реальные времена «шведов», то есть «англичан», когда так туго пришлось бедняге Жаку, совершенно задавленному, доведенному до голода и нищеты^{****}. Вот среда, в которой родился Страх. Вот глубинные причины тех волн паники, которые стали столь странной деревенской увертюрой Революции.

Этих волн паники... Но почему паники? Пусть бы вооруженные бунты; можно понять захват замка, где живет жестокий землевладелец, уничтожение архивов земельных списков, судебных бумаг. Но почему возникли эти страшные события, порожденные и толчками и мглами?

Именно в этом вопросе книга г-на Лефевра, столь важная для познания, для полного понимания первых шагов нашей Революции, оказывается в то же время очень поучительной для историка, интересующегося коллективной психологией. Именно этот аспект книги вносит первостепенный вклад в изучение лживых слухов, небылиц, которые подхватывает коллективное сознание охваченного смутой общества - чтобы потом взрастить их в своем лоне, напитать своею плотью и кровью и разослать во все стороны.

Настоящие жакерии, бунты, возникающие из желания сбросить изнурительные повинности: косвенные налоги, десятины, феодальные права; из потребности отомстить за прошлые оскорбления; по политическим мотивам - чтобы покарать слепое сопротивление привилегированных настояниям и требованиям третьего сословия; наконец (и здесь г-н Лефевр проявляет особенную проницательность), из буйной радости угнетенных, ломающих ярмо, сбрасывающих его на денек, позволяющих себе бесплатное удовольствие выпить за здоровье Нации вина из подвалов сеньора или с хохотом сожрать голубей из его голубятни,- эти народные движения, сотрясающие с начала весны некоторые сельские местности, а затем нарастающие в июле, независимо от парижских событий, на нагорьях Маконне, в нормандском Бокаже, на плато Франш-Конте и в пастбищных районах Самбры (земля там повсюду неважная или попросту плохая), - эти события г-н Лефевр исследует очень тщательно и с большим мастерством. Ибо они предшествовали Страху, а в некоторых местах послужили к тому же его причиной и позволяют, поскольку они хорошо известны и точно датированы, восстановить его истинный облик и значение. Не было необходимости в Страхе, чтобы, как утверждалось многократно, поднять крестьян против старого режима. К тому времени, когда пришел Страх, крестьяне уже поднялись. Однако, побудив крестьян объединиться и организовать для отпора угрозам и опасностям, он дал им осознать свою силу. Он придал новый импульс начавшемуся на много раньше победоносному натиску Жаков из Бокажа, из северного Франш-Конте, из Эльзаса, из Эно и более всего, быть может, из Маконне - натиску на сеньориальный режим. Все это - о том «как» и о последствиях. Но остается вопрос «почему?».

Есть «рациональное» объяснение: был заговор. Заговор буржуа, которые вызвали крестьянское восстание, чтобы свалить старый режим и основать на его развалинах собственное господство; или заговор аристократов, пытавшихся нанести удар своим противникам. Так говорилось, и в это верили - особенно во вторую версию: аристократы сыграли свою роль, решающую роль в возникновении Страха. Г-н Лефевр показал совершенно ясно и с полной очевидностью, которая, как хочется верить, убедит самых упорных: эта версия беспочвенна, в возникновении Страха историк не может отыскать «никаких следов заговора». Из всего, что он пишет по этому поводу, самым обоснованным и убедительным является объяснение психологическое.

Человеческие группы так или иначе были достаточно замкнутыми и удаленными друг от друга; их разделяли довольно большие расстояния или естественные преграды, и они общались между собой лишь через посредство бродячих элементов, по большей части - через случайных прохожих и встречных, переносивших, однако, драгоценные новости, пришедшие издалека и ставшие от этого еще более захватывающими. Огромная восприимчивость, легкое верие, которое пышно расцвело в условиях нищеты и тревоги, длительного недоедания, смутного, но глубокого волнения, - все это разрушило у людей, не имеющих культуры мышления, последние остатки способности рассуждать критически. Наконец, скрытое брожение умов, подспудная работа воображения, сосредоточенного на нескольких простых темах, одинаково близких всем элементам одного и того же общества деревенских людей, - темах, развивавшихся и передававшихся изустно, не по-писаному и помимо печати. Эти исконные условия для расцвета слухов и легенд сыграли присущую им в истории роль; как писал несколько лет назад Марк Блок¹⁰, те, кто видели и пережили войну, имели отличную возможность наблюдать все это собственными глазами. Быть может, эти условия никогда не были представлены в более полном и законченном виде, чем в те дни, когда Великий страх распространился в потрясенных душах французских крестьян. Об изолированности человеческих групп, и в особенности крестьянских, об изоляции физической, изоляции нравственной; об отсутствии газет, которые были исключительно редки и крайне дороги и, помимо всего прочего, очень осторожны, содержание их оставалось неизвестным крестьянам, тем более что они не умели читать; о стойкости старинных полулегендарных рассказов, древних воспоминаний, бережно хранимых в глубине крестьянской памяти и облекавших неприглядную действительность в мишуру псевдоисторических одежд; о роли бродяг в распространении панических слухов; об удивительном отклике, который находил любой волнующий рассказ в настроенном молчании сельской Франции, - обо всем у г-на Лефевра написано точно и содержательно. Поэтому его книга представляется не только вкладом первостепенной важности в историю Революции - Революции, наделенной телесным обликом, хотелось бы сказать, вспомнив о множестве бесплотных описаний движения, которое в стране, где земля была почти всем, несомненно, в сильнейшей степени отмечено влиянием крестьянских масс. В столь необходимое нам знание и понимание деформирующей работы людского воображения Лефевр привносит то, что можно было бы назвать плодом великолепного эксперимента - одного из тех стихийных опытов по свидетельской психологии, какие частенько припасает для нас история в качестве сюрприза; однако, как правило, мы даем им пропасть без всякой пользы. Так завершает свой труд историк, который недавно, на одной из «Недель» Международного центра исторического синтеза, еще раз ярко обрисовал характерные черты и выделил подлинно историческую роль революционной толпы.

¹ Lefebvre G. Grande peur de 1789. P., 1932. P. 87.

² Lefebvre G. Paysans du Nord pendant la Revolution. Lille. 1924. Этому же автору принадлежит ряд замечательных работ: Les recherches relatives a la repartitions de la propriete et de l'exploitation fonciere a la fin de l'Ancien Regime; Les etudes relatives a la vente des biens nationaux // Revue d'histoire moderne. 1928. P. 103-130, 188-219; La place de la Revolution dans l'histoire agraire de la France // Annales d'histoire economique et sociale. 1929, T. 1. P. 506-533; Questions agraires au temps de la Terreur. Strasbourg, 1932 (это собрание документов предваряется чрезвычайно важным Предисловием; в нем разбираются главным образом декреты, принятые в вантозе*, - о конфискации имущества подозрительных лиц, декреты о крупных фермах, об испольщине, об откупщиках налогов, о регламентации культуры).

³ О начальном периоде Революции см., например, очерк Олара. Там можно прочесть: «Революционная муниципализация сельской Франции, еще несознательных людских масс, внезапный и одновременный выход на сцену деревенского люда, который так трудно расшевелить, - все это результат электрического удара, который последовал из Парижа. Этот удар пронзил всю Францию почти в один день, почти в одно мгновение - с 27 июля по 1 августа» (Histoire generale/E. Lavissee, A. Rambaud. P., 1896. Т. 8. P. 68), Этот очерк Олара в 1896 году был «последним словом». Немного спустя Жорес в «Социалистической истории» нарисовал уже значительно более сложную картину явления. Он возражал в первую очередь против представления о внезапном начале событий. «На самом деле события начиналась не с такой внезапностью, которая могла бы навести на мысль о своего рода заговоре... Если бы паника вспыхнула по чьему-либо приказу и повсюду одновременно, она точно так же и закончилась бы повсюду в одно и то же время». Особенно четко Жорес проводил различие между двумя движениями: «движением крестьян, владевших землей, против дворянства - с целью освободить свою землю от всех феодальных повинностей» и движением «безземельных бродяг, нищих, голодающих». Он говорит очень хорошо: «Я пришел к выводу, что Великий страх был главным образом увеличенным многократно проявлением той постоянной тревоги, которую внушали нищие, всегда подозревавшиеся в намерении поджечь фермы и урожай» (*Jaures J. Histoire socialiste. P., 1901. Т. 1; La Constituante, P. 271-299*), Здесь Жорес еще раз показал себя историком, наделенным весьма проницательным чутьем, пониманием человеческих реальностей.

⁴ *Lefebvre G. Grande peur de 1789. P. 198-199.*

⁵ Г-н Лефевр не рассматривает эти причины сколько-нибудь подробно.

⁶ По-настоящему нужна такая карта, на которой были бы отражены не только детали рельефа и гидрографии, но и местонахождение крупных лесных массивов, которое нетрудно восстановить по картам Кассини, а также районы болот, большие королевские дороги, мосты, на прозрачном листе нужно изобразить стрелами направления волн и потоков Страх; кроме того, следовало бы проставить даты - числа и даже часы (в тех случаях, когда это возможно).

⁷ *Lefebvre G. Grande peur de 1789, P 9* (жалобы крестьян из Ла Кора, округ Шалон).

⁸ Более подробно об этом см: *Lefebvre G.; Questions agraires au temps de la Terreur. P. 6-7, 59 sqq.*

⁹ *Bloch M. Les Caracteres originaux de l'histoire rurale francaise. P., 1931. P. 131, 201.*

¹⁰ *Bloch M. Reflexions sur les fausses nouvelles de la guerre//Revue de synthese historique. 1921. Т. 33: Introduction a l'histoire de la guerre mondiale. P. 13 sqq.*

Комментарии Д. Э. Харитонович

* Имеется в виду вантоз II года Республики (см. примеч. 9 к статье «Цивилизация: эволюция слова и группы идей»), когда был принят ряд законов, предусматривавших улучшение положения неимущих.

** Мерседеры - члены ордена Милосердия (лат. Ordo Misericordiae; фр. l'Ordre de la Merci), основанного в 1218 г. в Барселоне, но позднее распространенного в основном во Франции. Главной целью деятельности ордена был выкуп пленных. В 1690 г. преобразован в конгрегацию нищенствующих монахов, во Франции упразднен во время Революции.

*** Право охоты было исключительной привилегией знати: дворянин мог преследовать дичь даже на крестьянских полях, крестьянин считался браконьером, если убивал ее на собственной земле.

**** Столетняя война, которая здесь подразумевается (с наложением воспоминаний о Тридцатилетней - откуда появились шведы, бывшие, правда, союзниками французов в этой войне), являлась периодом страшного обнищания французских крестьян, разоряемых обеими армиями, английской и французской; так называемыми «вольными», или «белыми», отрядами наемников, служивших то одной, то другой стороне; просто шайками мародеров; при этом все разновидности грабителей мало чем отличались и легко переходили из одной категории в другую.